

«ӘЛЕМДІК ФИЛОСОФИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ»

**IV Халықаралық ғылыми-теориялық конференция
материалдары**

2023 жылдың 16-17 ақпаны

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ФИЛОСОФИИ»

**Материалы
IV Международной научно-теоретической
конференции**

16-17 февраля 2023 года

«ACTUAL PROBLEMS OF WORLD PHILOSOPHY»

**Proceeding
of the IV International Scientific-theoretical
Conference**

February 16-17, 2023

Астана/Astana, 2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ КН МНВО РК

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ФИЛОСОФИИ»

Материалы IV Международной научно-теоретической конференции

16-17 февраля 2023 года

Астана, 2023

УДК 1/14
ББК 87.0
А 52

Редакционный совет:

Е.Б. Сыдыков, Б.Ж. Сомжүрек, К.А. Медеуова, К.С. Ермагамбетова,
А.Ч. Рамазанова, Д.Т. Толгамбаева

A52

Актуальные проблемы мировой философии: Мат-лы IV Международной научно-теоретической конференции (16-17 февраля 2023 г., Астана, Казахстан). – Астана: изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2023. – 437 с.

ISBN 978-601-337-860-2

В сборнике представлены материалы IV Международной научно-теоретической конференции «Актуальные проблемы мировой философии», посвященной 90-летию академика НАН РК ЖАбайхана Мубараковича Абдильдина, лауреата Государственной премии КзССР в области науки и техники, Межгосударственной премии «Звезда Содружества», Президентской премии мира и духовного согласия, Российской премии «Древо жизни», лауреата первой премии имени Ч.Ч. Валиханова, кавалера ордена «Барыс» II степени и кавалера ордена «Барыс» III степени.

В рамках конференции работали секции «Философия и современность», «Этика и моральная ответственность в современном мире» и «Казахская философия в контексте современных реалий: проблемы и перспективы».

Адресовано всем интересующимся актуальными проблемами современной философии и творчеством академика НАН РК Жабайхана Мубараковича Абдильдина.

Публикуемые материалы представлены в авторской редакции.

УДК 1/14
ББК 87.0

ISBN 978-601-337-860-2

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2023

4. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. – М.: Прогресс, 1995. – С. 240. – книга.
5. Шлейермахер Ф.Д. Речи о религии к образованным людям ее презирующим. Монологи / пер. с нем. С.Л. Франк. – СПб.: АО Алетейя, 1994. – 333 с. – книга.
6. Мосс М. Социальные функции священного. Избр. Произведения: пер. с фр. / под общ. ред. И.В. Утехина. – СПб.: Евразия, 2000. – 444 с. – книга.
7. Рудольф Отто. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А.М. Руткевич. – СПб.: АНО «Изд-во С.-Петерб. Ун-та», 2008. – 272 с. – книга.
8. Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. – М.: СПб.: Университетская книга, 2001. – 280 с. – книга.
9. Религиоведение: учеб. пособие / А.Ю. Рахманин, Р.В. Светлов, С.В. Пахомов [и др.] / под ред. А.Ю. Рахманина. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 307 с. – книга.
10. Мосс М., Юбер А. Очерк о природе и функции жертвоприношения / Мосс М. Социальные функции священного: пер. с фр.; под ред. И.В. Утехина. – СПб.: Евразия, 2000. – 448 с. – книга.
11. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; пер. с франц. В.В. Земсковой; под ред. Д.Ю. Куракина. – М.: Элементарные формы, 2018. – 808 с. – книга.
12. Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. – М.: Наука, 1993. – 172 с. – книга.
13. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. М.В. Вульфа. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 256 с. – книга.
14. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр.; предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с. – книга.
15. Элиаде М. Ностальгия по истокам. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 216 с. – книга.

МРНТИ 02.41.21

Аубакиров Еркин Нысанбекович

*кандидат философских наук (PhD), и.о.доцента ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан
prepod-2014@mail.ru*

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ СТАНОВЛЕНИЯ МЕРИТОКРАТИИ HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF THE FORMATION OF MERITOCRACY

Abstract: *The article deals with the problem of the formation of the phenomenon of meritocracy in theoretical and historical aspects. The actualization of this problem is connected with the implementation of systemic reforms in the field of management in the Republic of Kazakhstan. In modern social theory, meritocracy is a debatable problem, it has both followers and opponents. In this regard, the article presents the conceptual diversity in the analysis and consideration of the phenomenon of meritocracy*

Key words: *meritocracy, reforms, social theory, society, sphere of government.*

Проблема управления традиционно является одним из актуальных вопросов множества социальных теорий. Подготовка и отбор достойных управленческих кадров, воспитание «менеджеров всех звеньев новой формации» стоит на повестке дня со дня обретения Независимости. Во многих программных документах руководство страны

постоянно акцентировало внимание на необходимости формирования меритократии и «социальных лифтов» с целью вовлечения во все управленческие звенья «лучших из лучших».

За годы Независимости на всех звеньях государственного управления происходили системные трансформации и реформы. Тем не менее для этой сферы зачастую были характерны такие негативные социальные явления, как коррупция, трайбализм, nepотизм и кумовство. Всё это снижает эффективность системы управления и вызывает негативный общественный резонанс. Вступление в должность Президента РК К.К. Токаева ознаменовалось провозглашением необходимости построения Нового Справедливого Казахстана. В предвыборной программе действующего Президента прямо указано: «Отбор на государственную службу будет проходить на основе высоких профессиональных и моральных качеств кандидатов, а карьерное продвижение осуществляться на принципах меритократии» [1].

Формирование современной меритократии выступает как один из важных и необходимых факторов построения профессионального государственного аппарата. В этой связи возникает необходимость анализа феномена меритократии и принципов её формирования в историческом и теоретическом аспектах.

Меритократия в буквальном смысле означает «власть избранных, господство достойных». Исследователи указывают, что первым прецедентом в определении стандартов профессиональной государственной службы, основанных на «системе заслуг и достоинств», можно считать принятие в США в 1883 г. «Пендлтон акта». Такая «система заслуг и достоинств» предусматривает соблюдение основных принципов отбора работников, таких как: наибольшая компетентность; рассмотрение претендентов, невзирая на партийность, расу, цвет, религию, национальное происхождение, пол, семейное положение и т.п. [2]

В мире много стран, построивших эффективную систему государственного управления на основе реализации принципа меритократии. Это такие страны, как Франция, Южная Корея, Сингапур и другие. Поэтому изучение этого социокультурного опыта представляется весьма важным для построения Нового Казахстана.

Общеизвестно, что впервые понятие «меритократия» употребил социолог Майкл Янг. В «Расцвете Меритократии 1807-2033», опубликованном в 1958 году, Янг представил футуристический сценарий, претендующий на роль социальной истории Британии. [3] С тех пор вокруг этого понятия развились теоретические споры и баталии: разброс мнений весьма широк – от признания до огульного отрицания. Нужно сказать, что сам Янг изначально вкладывал в понятие меритократии негативный смысл, отмечая, что постепенно в обществах формируется слой элиты, оторванной от широких слоев населения. Естественно, что этот слой имеет более широкие возможности для получения качественного образования, медицинских услуг и других социальных благ.

Тем не менее, на смену классическим представлениям о том, что социальное положение человека в обществе определяется наличием у него тех или иных ресурсов (капитала, собственности, происхождения, связей и прочих), пришло убеждение, что это должны определять только способности и интеллект. При этом достоинство (merit) человека понималось как сумма его интеллекта (IQ) и приложения усилий (effort).

Как отмечает аналитик Мария Кроль в своей статье «Меритократия как царство разума», критерии достоинства меритократа определяются ценностями, доминирующими в обществе. Только те, кто способен добиться наибольшей продуктивности и эффективности, должны быть на верхних ступенях социальной иерархии. Только наиболее способные должны управлять, потому что именно они способны тянуть остальных в сторону прогресса, и в этом легитимность меритократии в современном обществе. [4]

Безусловно, анализ понятия меритократии имеет и историко-философский контекст. В этом плане можно упомянуть работы Платона. Общеизвестно, что, по Платону, в идеальном государстве власть должна принадлежать философам. В диалоге «Государство» упоминается миф, где люди уподобляются узникам пещеры, которым для созерцания доступны только

тени предметов, и только один из них оказывается в состоянии получить свободу и узреть истину. В этой мифе представлено противопоставление лица, знающего истину, большинству, воспринимающему лишь искаженное знание (тени вещей вместо них самих). Именно этим Платон легитимизирует право философов на управление государством. [5] Думается, в современной интерпретации под «философами» Платона следует понимать людей, обладающих универсальным, системным мышлением, позволяющим эффективно управлять любыми социальными и производственными процессами.

В культуре европейского Возрождения получают распространение различного рода социальные утопии, в которых представлены проекты идеального государства и управления им. Так, широко известен утопический трактат Т. Кампанеллы «Город Солнца», где монархической, аристократической власти, освященной авторитетом Бога, противопоставляется идеальное государство, в котором вся власть принадлежит избираемому правителю-философу, также являющемуся верховным служителем государственного культа. [6] Здесь можно заметить тенденцию десакрализации властных отношений, зарождение представления о земном, профанном характере источника власти. Кроме того, именно с этого исторического времени мы наблюдаем зарождение принципа выборности источника власти, что впоследствии оформится в принцип всеобщности и равенства избирательных прав граждан.

В концепциях общественного договора европейские теоретики социальной мысли подчеркивали важность подконтрольности институтов государства гражданскому обществу. Именно под их влиянием сложился конструкт современной демократии.

Таким образом, исторически бюрократический способ управления постепенно приходит на смену феодально-аристократическому. Макс Вебер считал бюрократический тип управления наиболее эффективным, потому что управленец в такой социальной системе отделен от своей должности и назначается по результатам квалификационного отбора. Таким образом, бюрократический тип господства Вебер определял как основанный на знании, а потому оптимальный. [7, с. 23] Однако, реальный исторический опыт показал, что бюрократическая система в некоторых ситуациях часто оказывается неэффективной и в частности благоприятствует коррупции. Подтверждением этому служит, например, советская командно-административная система как синоним тоталитаризма и коррумпированности. Но западный опыт также демонстрирует, что и либеральная система вовсе не противоречит нарастанию бюрократических тенденций. Элвин Тоффлер показал, что индустриальная эпоха привела к власти особую группу лиц — управленцев-технократов. [8, с. 118] В этой системе также велики риски выхода структур управления из-под контроля институтов гражданского общества. Она связана с тем, что президенты и премьер-министры стали считать себя в первую очередь менеджерами, а уж потом общественными и политическими деятелями. Иными словами, фактор подконтрольности мнению большинства через голосование становится второстепенным. Следует отметить, что изначально концепции либеральной демократии содержат в себе идею меритократии — власти интеллектуальной элиты. Однако, принцип всеобщего избирательного права постепенно сопровождается повсеместным распространением различного рода политехнологий, ставших эффективными инструментами манипуляции общественным мнением. Иными словами, широкие массы граждан являются субъектом политической деятельности зачастую лишь декларативно, по сути будучи объектом воздействия на сознание. [9, с. 218, 238] Эта тенденция может привести к превращению демократических выборов как основного способа контроля общества над властью в фикцию.

В этой связи в современной социальной теории все более распространяются мнения о том, что действующая система политического управления изжила себя и требует замены более соответствующей реалиям постиндустриального общества. В частности, Тоффлер указывал на противоречие демократии как власти большинства демассифицированному постиндустриальному обществу [8, с. 659-672]. Понятие «меритократии» в своих трудах

использовали и такие известные авторы, как Дэниел Белл, представитель неоконсерватизма Збигнев Бжезинский и другие.

Так, Белл в своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) рассматривал меритократию как способ преодоления бюрократической системы управления и стратегию формирования прогрессирующего общества, в котором созданы все условия для развития талантов. Поэтому в таком обществе в первую очередь должны быть созданы условия для равного старта в актуализации своих потенциальных возможностей. [10, с. 37] В этом аспекте можно представить, что меритократия является благом как для общества (поскольку самые талантливые люди попадают в слой эффективных управленцев), так и для самих людей (так как она выступает как механизм реализации принципа социальной справедливости). Но с другой стороны меритократия выступает и как антиблаго для социума, поскольку по своей сути она предполагает жесточайшую конкуренцию, в результате которой появляется как слой успешных людей, так и аутсайдеров. Именно по этой причине меритократический идеал имеет множество оппонентов в академической среде социальных теоретиков.

Таким образом, общество, основанное на меритократическом идеале, представляется справедливым и основанным на талантах и достоинствах лучших из лучших. Но, с другой стороны, меритократия «выносит за скобки» такие факторы, такие как материальное благосостояние граждан, их социальный статус, полученный при рождении, вероятностные шансы оказаться в нужное время в нужном месте, да и просто элементарную удачу и везение в жизни. [11, с.78]. Безусловно, меритократию характеризует ряд преимуществ, способствующей как вертикальной, так и горизонтальной социальной мобильности. Но зачастую меритократия лишает людей чувства удовлетворенности своим социальным положением, чувства защищенности, уверенности в будущем.

Проблемы становления меритократии анализируются и в рамках развития социальной мысли в современной России. Так, российский либеральный экономист Владислав Леонидович Иноземцев указывает на смену постиндустриального общества социальной системой, состоящей из интеллектуальной элиты (управленцев) и работников-исполнителей. Он считает, что именно такое общество можно считать справедливым, поскольку положение индивида в нём будет определяться не случайными факторами, а личными способностями индивида, его умением усваивать и использовать знания. Иноземцев отмечает, что для постиндустриального общества вертикальная социальная мобильность будет определяться возможностью или невозможностью личности приобрести необходимые знания и творческую одаренность. [12, с. 87-94] Здесь мы вновь замечаем тенденцию в понимании основополагающей характеристики меритократического идеала, восходящую к Платону: необходимость политического доминирования интеллектуальной элиты над непросвещенным большинством. То есть, по Иноземцеву, для меритократии постиндустриального общества должны быть свойственны «постэкономические» потребности в накоплении знаний и самореализации, превалирующие над материальными [12, с. 13].

В условиях такого общества происходит трансформация процессов материального благосостояния, поскольку результаты НТП обеспечили основную часть населения постиндустриальных стран достаточно высоким уровнем благосостояния и достижение этой цели становится все более легким. Поэтому, как отмечает английский экономист Дж. Хикс, по мере роста материального благосостояния оно утрачивает свою социальную значимость. Накопление богатства в обществе приводит к реструктуризации аксиосферы человека, и на первый план выходят такие ценностные приоритеты, как свобода и безопасность, ответственность и справедливость. [13, с.17-38]

Действительно, социологические исследования, проведенные в развитых странах, демонстрируют, что человек в условиях постиндустриального общества предпочитает работать за меньшую плату, если этот труд позволяет максимально реализовать его творческие и креативные возможности, не предполагает выполнение рутинного алгоритма

действий. В итоге указанные тенденции оказывают влияние на культурный и профессиональный рост человека. Кроме того, высвобождение части времени труда и наличие свободного времени позволяет ему уделять больше внимания семье, участвовать в социальной жизни, заниматься самообразованием, спортом и т.д. Естественно, что эти обстоятельства не могут не приниматься во внимание в процессах формирования профессиональных кадров и в сфере управления. Однако, необходимо отметить, что благосостояние и новая мотивация не обладают прямой зависимостью. Но тем не менее изменение ориентации на новые ценностные установки формируется исходя из множества предпосылок, уникальных для каждой отдельной экономической системы, народа, нации. Иноземцев считает, что повышение материального уровня жизни создает лишь потенциальные предпосылки для становления мотивационной системы. Человек освобождается от необходимости поиска средств для существования, он получает возможность приобщения к разнообразным ценностям цивилизации. Но наличие этой возможности не гарантирует немедленное и безусловное ее использование [12]. Этому свидетельствует то, что и в развитых странах зачастую встречаются такие негативные социальные явления, как социальное иждивенчество и инфантилизм, патерналистские ожидания со стороны государства и тому подобное.

В современных условиях проблема меритократии перестаёт быть лишь предметом дискурса различных социальных теорий. Реализацию её идеалов мы можем наблюдать и в реальных политических практиках. Прекрасным примером может служить Сингапур. Основоположник и первый Премьер-Министр страны Ли Куан Ю утверждал, что Сингапур может стать успешным, только если создать такую систему, которая позволит лучшим и самым достойным людям получить работу. В 1965 году город-государство Сингапур представлял собой небольшой торговый порт, где безработица достигала 14%. Пятьдесят лет спустя уровень безработицы сократился до 1,9%. ВВП на душу населения в Сингапуре в 1959 году составлял 510 долларов США. Сейчас этот показатель в сто раз выше. Примером его успеха может служить тот факт, что доход на душу населения в Сингапуре сегодня намного выше, чем в его бывшем колониальном хозяине - Великобритании. И если в чем-то Ли Куан Ю мог ошибаться, то в продвижении меритократии он был совершенно прав.

В 1999 году Казахстан стал первой страной в Содружестве Независимых Государств (СНГ), где был принят законодательный акт о государственной службе, предусматривающий обязательный открытый конкурс, было проведено разграничение между политическими и административными государственными служащими, а также было создано Агентство по делам государственной службы. Реализация новой модели государственной службы, одобренной Президентом Республики Казахстан в 2011 году (также впервые среди стран СНГ), привела к формированию корпуса руководителей высшего звена «Корпус А» и усилению функций кадровых служб в государственных учреждениях, что позволило начать работу по разработке тестов для оценки профессионального соответствия кандидатов. Одним из направлений реформы государственной службы являлось развитие меритократического подхода при отборе кадров на государственную службу и необходимость открытого процесса найма для талантливых кандидатов, в том числе кандидатов из частного сектора и зарубежных менеджеров, без ограничений по знанию языка и гражданству в отношении определенных должностей.

Таким образом, меритократия признается правительством в качестве всеобщего принципа не только для государственного аппарата, но и для всего государственного сектора, включая суды, правоохранительные органы, национальные компании и холдинги. Одним из эффективных инструментов проведения принципа меритократии стало создание Президентского кадрового резерва, выдвиженцы из которого уже начинают занимать ключевые позиции на всех звеньях государственного управления в условиях Новой Республики. Хочется надеяться, что идеалы и принципы меритократии, признанные и провозглашенные в нашей стране, не останутся лишь на декларативном уровне и намерениях при проведении эффективной кадровой политики.

Список литературы:

1. Режим доступа: Предвыборная программа Токаева 2022 – Тоқаев2022
2. Оболонский А.В. Кадровая политика в федеральной государственной службе США: история и современность // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – с. 41-61. – [ЭР]. Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/765/340/1218/005oBOLONSKIИ.pdf>
3. Янг М. Возвышение меритократии // *Утопия и утопическое сознание*. – М.: Прогресс, 1991. – книга
4. Кроль М. Меритократия как царство разума. – [ЭР]. Режим доступа: <http://cloudwatcher.ru/analytics/3/view/35/> – статья
5. Платон. Государство // *Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. Т.3*. М.: Мысль, 1994 – с. 79-420 – книга
6. Кампанелла Т. Город Солнца: пер. с лат. // *Зарубежная фантастическая проза прошлых веков: Социальные утопии* – М.: Правда, 1989 – с. 133-189 – книга
7. Вебер М. Хозяйство и общество – М.: ГУ ВШЭ, 2010 – 360 с. – книга
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. – 781 с. (Philosophy) – книга
9. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 253 с. – книга
10. Bell Daniel, «On meritocracy and equality», *National Affairs. Public Interest*, Vol. 29, 1972
11. Goldthorpe J. *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*. – Oxford, 1980
12. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000 – 302 с. – с. 87-94
13. Хикс Дж.Р. Основания экономики благосостояния// *Вехи экономической мысли* – Том 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / Под общ. ред. А.П. Заостровцева – СПб.: Экономическая школа, 2004 – 568 с. – С.17-38 – статья

ГТЗМР 02.15.31

Алимов Тилеу Кузембаевич
философия ғылымдарының кандидаты
alimov.tileu1949@yandex.ru
Астана, Казахстан

ОЙЛАУ ҒЫЛЫМИ-ФИЛОСОФИЯЛЫҚ КАТЕГОРИЯ РЕТІНДЕ **THINKING AS A SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL CATEGORY**

Abstract. In this article explores the problems of thinking. In this article, describes the main importance of the concepts related to the cognitive category of thinking. Thinking is the most complex and important cognitive structure in the field of knowledge. Thinking is a main category with own meaning in the science of philosophy. The category of thinking has been extensively studied since ancient Indian, Chinese and Ancient philosophy until now. Thought and thinking are connected in the theory of cognition. Thinking in the Renaissance and modern times by scientists and philosophy, both in the theoretical and practical side, simultaneously developed strongly.

Especially in the philosophy of N. Cusansкого, Leonardo da Vinci, Copernic, F. Bacon, R. Decart, H. Hobbs and others in their works.

The way of thinking of the priests, the alchemist, the scholastic, the scientist, Yengineer, theorist, experimenter and other specialists. In general, in science, the way of thinking is determined by the subject of knowledge and the task that the researcher sets himself. So, in the middle of the century, thinkers experienced a great need for gold and silver as carriers of banknotes. Thus, the way of thinking is always historical: it is always generated in the basic historical conditions, is constantly connected with changes in the social way of life, also in the field of science and culture, and soon.

Key word: *the category of thinking is cognitive activity, intelligent thinking, true generalization, deliberation and language solve.*